РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОВОЕ ТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ: ОВЛАДЕНИЕ И ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ

Т.А. Гридина *(Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия)*

ЯЗЫКОВОЙ «ИНСТИНКТ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА ДЕТСКОЙ РЕЧИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения спонтанного и осознанного начал лингвокреативной деятельности ребенка (в том числе способности к языковой игре). Экспериментально исследуются рецептивная и продуктивная составляющие словотворческих инноваций детской речи – в индивидуальной проекции: при толковании конкретным ребенком-респондентом словотворческих детских инноваций и слов-модификатов, а также при создании тем же ребенком собственных слов по реконструированному на базе детских окказионализмов мотивационному контексту. Делается вывод о диагностичности данных экспериментальных процедур для прогноза индивидуальных лингвокреативных черт формирующейся личности.

Ключевые слова: языковой инстинкт, языковая игра, лингвокреативные стратегии овладения языком, ментальные доминанты языкового сознания.

Известно, что дети обладают обостренным языковым «чутьем» (языковым инстинктом), позволяющим им выводить из потока получаемой речевой информации «не сформулированные» правила формо- и словообразования, а также «экспериментировать» с готовым словом. Природа этого инстинкта, очевидно,

имеет как врожденный, так и приобретенный (основанный на когнитивном опыте и практике общения) характер. Справедливо утверждение о том, что в речевом развитии ребенок подвержен влиянию двух областей – «области языкового принуждения и языковой свободы» [Ажеж 2003]. При овладении родным языком в онтогенезе проявляются некие универсальные черты, и в то же время каждый ребенок проходит свой индивидуальный путь речевого развития.

В этом отношении продуктивным представляется соединение традиционных методов описания спонтанной детской речи и экспериментальных методик, позволяющих верифицировать проявление творческого начала в становлении разных аспектов языковой способности конкретного ребенка. В основе нашей гипотезы лежит положение о тесной взаимосвязи детских речетворческих эвристик и развитием интенции к преднамеренной языковой игре [Гридина 2014]. Соответственно, выявив характерные черты речевого поведения ребенка определенного возраста, можно перейти к экспериментальной серии исследования его лингвокреативных способностей, используя в качестве стимульного материала инновации детей того же возраста. В частности, предложив ребенку дать толкования этих инноваций и/или создать собственную номинацию на основе сформулированного мотивационного перифраза к детскому окказионализму, можно проследить, как «работает» языковой инстинкт в специально смоделированных условиях лексического дефицита и стимуляции ребенка к проявлению лингвистической креативности.

В нашем случае респондентом выступил конкретный ребенок (Даниил К.), в речи которого его родителями[1] были зафиксированы факты спонтанного словотворчества и «прояснения» мотивированности (значений) готовых слов в свете собственного понимания (наблюдения за ребенком велись два года, начиная с 4-х лет).

Ребенок живет в полной семье. Родители имеют высшее об-

---

[1] Материалы наблюдений над спонтанной речью Дани К. и экпериментальные данные в рамках разработанной нами (*Т.Г.*) концепции исследования предоставлены С.Д. Воробьевой, магистрантом, обучающимся по пограмме «Психолингвистика в образовании».

разование (мать – архитектор-дизайнер, отец получил медицинское образование). Кроме того, у мальчика две бабушки и два дедушки, с которыми он проводит много времени. Посещает детский сад с двух с половиной лет. Активно говорить начал довольно поздно, в возрасте около 3-х лет. С 5-ти лет начал читать. Очень подвижный, активный, по темпераменту – холерик. В садике быстро стало скучно, со взрослыми любит общаться больше, чем с детьми. Предпочитает сюжетно-ролевые игры, сценарий которых придумывает сам, привлекая окружающих к совместному действию. Подкрепляет неречевые ситуации различными «диалогами». Не любит играть один. Согласно наблюдениям психолога, ведущими модальностями восприятия у этого мальчика являются аудиальная (очень музыкален, любит петь сам и слушать музыку – начиная с 2-х лет) и кинестетическая (очень впечатлителен, чувствителен, для него важны осязательные ощущения). Ср. соответствующие модальные предикаты в следующих высказываниях ребенка.

(По телевизору показывают кукольный мультфильм про Чебурашку). Даня: – *Я не люблю куклиные фильмы!* Мама: – *Почему?* Даня: – *Они* ***шершавые*** (5.2) // (Играя, изображает робота, который механически повторяет одно и то же слово «нет». Бабушка просит его остановиться. В шутку, как будто на кнопку, нажимает ему на живот). Даня: – *Нет, меня так не выключишь* (имея в виду, что он робот). Бабушка: – *А как тебя выключить?* Даня: – *Надо меня* ***поцеловать*** *10 раз* (6.1).

В плане креативной составляющей речевого развития Дани К. показательны инновации, свидетельствующие о склонности мальчика к окказиональному словообразованию, технике метафорической номинации, причем как в регистре компенсации лексического дефицита, так и в экспрессивно-оценочном, чаще шутливо-эмоциональном регистрах самопрезентации. Ментальные доминанты языкового сознания ребенка[2] отражают особен-

---

[2] К ментальным доминантам детского языкового сознания мы относим характерные (временно господствующие) особенности образа мира ребенка, проявляющие соединение его когнитивного опыта с информацией, транслируемой языком. В числе таких доминант отмечаются следующие: антропоморфная («всеолицетворение») и артефактная (ос-

ности его картины мира.

(Рассматривает с дедушкой анатомический атлас. Рисунок: голова человека, мозг внутри). Спрашивает: – Это что? Дедушка: – Это наш мозг так устроен. – *Ага, понятно: по этим* ***закорючным*** *проводам проходит* ***думство*** (5.2).

В данном «определении» закодирован визуальный образ, представленный в виде артефактной метафоры (прагматическая доминанта языкового сознания ребенка, связанная с перенесением предметных свойств на живую «материю»: извилины мозга уподобляются запутанным, изогнутым, *закорючным* проводам). Кроме того, *думство* – суффиксальное производное от *думать* – ситуативно заменяет неизвестное ребенку слово *мышление,* ср. также *думанье*, *обдумывание* и отглагольные однострукторные с *думство* существительные типа *бегство*. К типу словообразовательных инноваций относится и прилагательное *закорючный* (ср. *закорюка, закорючка* – эталон искривленной, замысловатой формы, переплетения).

(Упала сумка и перевернулась): – *Смотри, бабушка, сумка* ***кверхногатая*** (4.6). Словообразовательная инновация – производное от словосочетания *кверх ногами* с суффиксом *-т* (ср. *рогатая*) – экспрессема, ситуативно отзеркаливающая актуальный для ребенка «антропоморфный» образ перевернутого («с ног на голову») предмета.

Ср. метафорическую номинацию той же «олицетворяющей» модальности:

– *Ты мне* ***забинтованный*** *горох дашь?* (о горохе в стручках) (4.5). Визуальный образ горохового стручка (в кожуре) соотно-

---

нованная на приписывании предметных свойств одушевленным и природным объектам) составляющие детской речи «номинативный реализм» (буквализм восприятия языковых значений), мотивационная рефлексия как прогностическая стратегия установления связи между формой и содержанием слова; доминанта личностного и ситуативного смысла; экспрессивно-эмоциональная оценочная модальность как отражение конкретно-наглядного типа мышления ребенка; эвристическая (экспериментальная) доминанта в использовании языковой техники номинации (восполнение ребенком лексического дефицита и обновление регистра существующих языковых средств для выражения актуальных аспектов мировосприятия) [Гридина 2013].

сится у мальчика с чем-то плотно перевязанным (например, с забинтованным пальцем). В слове *забинтованный* актуализирован признак «перетянутый бинтом» (при игнорировании сем – *марлевый* жгут для *перевязывания ран*). Расширение значения и непреднамеренная метафора коррелируют между собой в процессах номинации.

Экспрессия интенсивного действия и результата передается Даней при помощи следующих инноваций:

(Смотрит кино про войну, боец упал): – *Он что ли угиб*? (5.9).

Это, скорее всего, случай заменительного словообразования в опоре на глаголы с приставкой *-у* (ср. *погиб*). Возможна и прямая аналогия с синонимом *убить*. Ситуативно замена приставки подкрепляется самим наблюдаемым действием – падением раненого бойца (ср. *упасть*).

(Неудачно садится в машине в своё автокресло): – *Ай, меня кресло* ***прижмулило*** (5.7).

Созданный ребенком глагол *прижмулить* – контаминация словоформ прош. и буд. времени от *прижать* (ср. *прижало* и *прижму*); в значении окказионализма актуализирован признак интенсивности действия (сильного сдавливания, стискивания). Ассоциативно также всплывает фонетическая и структурная аналогия с *зажмурить* «плотно сжать / сомкнуть веки».

(Обращаясь к коту, который носится по комнате и всех кусает): – *Мурзик! Ты что такой* ***разболтливый****!* (4.10). Ср. *баловаться*, *болтаться*. Возможна аналогия с *разболтаться* (о поведении).

(Мурзик ест и просит еще): *Мурзик! Ты что такой* ***ненаедливый****!* (4.10).

Ненаедливый – производное от словоформы *не наесться* по аналогии с суффиксальными прилагательными типа *надоедливый*, *непоседливый* (с формантом *-лив*).

Существительные – не менее продуктивный класс новообразований в речи ребенка.

(Приехал из Греции, где ему очень понравилось): – Я хочу быть ***гречем*** (5.7).

Словоформа **гречем** «восходит» к *грек* и *греческий* (это, скорее всего, контаминация на звуковом основании; игнорирование чередований при образовании словоформ, характерное для де-

тей, соблюдающих «принцип звукового единства основы слова» во всех его производных, в данном случае срабатывает в пользу аналогии с *греческий*). Однако, возможно, ребенок самостоятельно образует *греч* от *греческий* как название жителей Греции.

(Играет с куклой, которую можно разбирать): – Это ***разбирушка*** (4.3). От *разбирать* при явной аналогии с *игрушка*.

Врачительница – женщина-врач (4.9). Ср. *учительница, воспитательница,* востребованные в качестве аналога для восстановления нарушенной симметрии в сфере обозначений профессий (при отсутствии в узусе и опыте ребенка соответствующей «парной» номинации ж.р. к слову *врач*, ср. разг. *врачиха*).

Чувствителен к фоносемантике имени.

Мальва – это красивая мама (4.10). Услышав это слово как название цветка, оценил его «красоту» (благозвучие) и применил к образу мамы – на основе симпрактической стратегии оценочного ассоциирования.

Имя ***Шура*** шутливо ассоциирует со звукоподражанием, привязывая его к имени конкретной девочки:

(Спрашивает, хитро улыбаясь): – *Мама, а почему у тети Вики дочку* ***Шура*** *зовут? Она ходит и ножками так делает:* ***шур-шур-шур?*** (5.2)

Представленный выборочный список примеров из речи Дани К. свидетельствует о достаточно типичных для детей преддошкольного возраста проявлениях метаязыковой рефлексии и словотворческой активности.

Это дает основания предположить, что в условиях экспериментального поиска смысла незнакомого слова (инноваций, извлеченных из спонтанной детской речи) ребенком будет востребована уже освоенная им техника номинации и мотивации. Установка на произвольное толкование предъявленных слов-стимулов (окказионализмов детской речи), заданная инструкцией, позволяет выявить, с одной стороны, их соответствие неким продуктивным моделям, степень считываемости внутренней формы и потенциальных смыслов соответствующего новообразования; с другой стороны, – обнаружить идиоматику восприятия и интерпретации таких инноваций конкретным ребенком, в том числе склонность к преднамеренной языковой игре (см. подробнее в: [Гридина 2014]).

Серия экспериментов с Даней К. проходила в игровой форме и включала в себя три этапа.

Первый и второй этап экспериментальной серии проводился по методике прямого толкования с предъявлением ребенку инструкции: «Угадай, что значит (называет) это слово». В качестве стимулов на первом этапе использовались слова-модификаты (или мотивационные инновации), извлеченные из живой детской речи. Эти единицы детского лексикона возникают вследствие стремления ребенка к уточнению, «прояснению» внутренней формы готового слова. Техника «уточняющей» реноминации состоит в частичном видоизменении существующего в языке слова путем введения в его структуру нового «корня» (подобранного по созвучию, чаще всего случайному, и/или по субъективно устанавливаемой смысловой близости непонятного и знакомого слов). Ср.: *белонка* «болонка», *мингальские* огни из *бенгальские* (по сближению с *мигать*) и т.п. Согласно нашей гипотезе, при толковании таких слов в условиях эксперимента должен превалировать акцент на мотиваторе, задающем актуальный для ребенка (респондента) ракурс восприятия свойств обозначаемого.

Совпадение и/или несовпадение полученных ответов с теми значениями, которые имеют стимульные слова в спонтанной детской речи, верифицирует, с одной стороны, информативность отраженного в названии мотивационного признака, с другой стороны, создаёт разброс индивидуальных интерпретаций связи номинации и предполагаемого денотата.

Второй этап данной экспериментальной серии отличался от первого только подбором стимульного материала, в качестве которого предлагались не слова-модификаты, а собственно словообразовательные инновации, созданные детьми по образцу конкретного слова или словообразовательной модели. Предполагалось, что в данном случае поиск смысла окказионального слова в большей степени будет направлен на выведение свойств обозначаемого на фоне структурных аналогий и доступного ребенку когнитивного базиса наименования.

Условность толкования как сформированная инструкцией установка должна была раскрепостить фантазию ребенка и перевести процесс в игровой режим – поиск любых возможных, да-

же самых невероятных версий смысла.

Третий этап экспериментальной серии предполагал продуцирование слов по заданному ономасиологическому контексту: реконструированным мотивационным перифразам детских инноваций, на основе которых ребенок должен был сконструировать «своё» слово. Инструкция: «Как можно назвать… (далее дан перифраз)».

В основу описанных экспериментальных процедур положен постулат о том, что игровая компетенция (в частности – словотворческая) включает в себя как аспект восприятия, так и аспект продуцирования окказионального слова.

Наиболее показательные стратегии семантизации и порождения нового (окказионального) слова по заданному описанию см. в приведенных ниже Таблицах 1, 2. 3.

Таблица 1. **Толкования слов-модификатов (первый этап экспериментальной серии)**

Слово, извлеченное из спонтанной детской речи, и его мотивация[3]	Исходное толкование (контекст)	Толкования, полученные от респондента (Дани К., 6.0)	Стратегии толкования
Айболитка (от разг. *инвалидка* – машина для инвалидов – по сближению с *Айболит*)	Инвалидная машина. – Мама, смотри, *айболитка* едет! (4.0). Ассоциация с именем известного персонажа детской сказки.	*Тетя такая, жена Айболита.* Актуализирована «женская» семантика словообразовательного форманта (сущ. с суф. *-к*).	*Айболитка* воспринимается как самостоятельное суффиксальное производное от *Айболит* (при условном «допущении», что у сказочного доктора была жена). Толкование через мотивационный перифраз.

[3] Все примеры (стимульные слова) для экспериментальной серии извлечены из: Гридина Т.А. Объяснительный словарь детских инноваций. – Екатеринбург, 2012.

Босолапки (уточняющая реноминация, замена одного корня в сложном слове *босоножки*)	Босоножки. В магазине мама выбирает обувь для дочки: – Нравятся туфельки? Рита: – Давай лучше *босолапки* купим (5.0). Ср. лапки – ножки разг., ласк. (по отношению к ребенку)	*Человек, который ходит босиком* (для мальчика *босолопаки* – не название обуви, а характеристика человека, точнее ситуации, когда кто-то ходит босиком).	Метонимический сдвиг при соотнесении слова с денотатом (открытая, носимая на босу ногу женская обувь – босой человек).
Больчик – ситуативное уточнение мотивации слова *укольчик* по сближению с *боль* (введение нового корня в структуру готового слова)	Укол (*укольчик*), причиняющий боль. В больнице: – *Сейчас тебе сделают укольчик.* Это не больно. Юра: – *Не надо больчик!* (4.5)	*Мальчик-больчик; когда я ударился – у меня больчик!* Актуализированы оба потенциальных значения словообразовательной модели: «тот, кому больно; кто испытывает боль» и «то, что причиняет боль: болезненный ушиб».	Введение слова в симпрактический контекст (опора на ситуацию из собственного опыта ребенка). Стратегия номинации по метонимическому принципу (ср. *больчик* – болезненный укол/ушиб и *больчик* – человек, испытывающий боль от укола / ушиба).
Быкарус – слово-модификат от «Икарус». Экспрессема	Большой, размером с быка автобус «Икарус»). Увидев на автобусной	*Бык по-английски; кто бодает.* (Поразил необычный облик слова, в котором	Игровая актуализация значения в опоре на мотиватор *бык*. Придуманная ребенком «кон-

	стоянке «Икарус» и удивившись его размерам, Катя ***шутит***: – У-у! Это настоящий *быкарус* (7.0)	Даня увидел знакомый «корень»: экзотическая форма шутливо отождестляется ребенком с якобы иностранным словом). Второе значение «кто бодает» через мотивационный перифраз дополняет ассоцию с *бык* на основе синтагматической стратегии.	нотация» – приписывание слову статуса иностранного. Условная идентификация с английским языком поддержана тем, что именно этот язык выступает для ребенка эталоном иностранной речи (папа, с которым Даня бывал за границей на отдыхе, свободно говорит по-английски).
Гребетух – гребешок петуха (от *петух* под влиянием *гребень*)	Девочка рассказывает стихотворение: *«Петушок, петушок, золотой ... гребетух»* (3.5)	*Петух, который причесывается расческой такой.*	В толковании актуализированы оба значения слов-омонимов: «гребень птицы» и «расческа». Сама условность ситуации «петух причесывается» придает объяснению игровой характер. Считан прототип.
Деньгомёт – шутливая модификация слова *банкомат* по	Банкомат, который «мечет деньги» (во внутрен-	*Человек, который любит деньги и мёд.* Один из корней	Толкование имеет характер языковой игры: без опоры на

сближению с выражением *метать деньги*	ней форме слова актуализирован функциональный признак): - *Папа всегда деньги в деньгомёте снимает* (10.0)	«считывается» на основе омофонической ассоциации: ср. *мёт* (от *метать*) и *мёд.* При этом происходит переключение денотативной отнесенности слова в регистре «характеристика предмета» – «характеристика человека».	прототип (*банкомат*) ребенок выводит собственный смысл слова *деньгомёт* через оценочную «символику» мотиваторов *деньги* и *мед.* Это некие «ценности», проявляющие склонности и пристрастия человека (ср. *сладкий мед, много денег*).
Другостранец – синонимическая «замена» одной из мотивирующих основ лексемы *иностранец* (очевидно, в процессе припоминания слова)	Иностранец (здесь: тот, кто внешне – цветом кожи – отличается от соотечественников ребенка). Увидев на улице негра: – *Этот чёрный дяденька что ли другостранец?* (5.0)	*Он живет в России и со всеми дружит!* Имплицитная актуализация прототипа *иностранец* (буквально «тот, кто приехал в Россию из другой страны»).	Ложноэтимологическое сближение с мотиваторами *друг, дружить* имеет эмоционально-оценочный вектор: *живет в России и со всеми дружит.*
Дуракон – реноминация путем введения в модельную сетку слова *дракон* корня «дурак».	Глупый дракон. Аня, обращаясь к игрушечному дракону: – *Дуракон ты какой-то!* (5.0)	*Любит драться* (буквально: драчливый дракон). Однако не исключено, что прототип *дракон* вообще не считан.	Симпрактическая актуализация смысла в опоре на ситуативную привязку экспрессивного мотиватора *дурак.*

Ирутер – реноминация *компьютер* по сближению с *играть*.	Компьютер, на котором играют в компьютерные игры. Мальчик с интересом наблюдавший за тем, как папа играет в компьютерные игры, спрашивает на другой день: – *Папа, а когда ты снова включишь игрутер?* (5.0)	*Это я, когда в компьютер играю.* Потенциальное переключение номинативной функции слова в диапазоне – название предмета (по его назначению) – название лица (по роду занятий).	Симпрактическая стратегия толкования.
Колозвончики – колокольчики издающие звон. Уточняющая реноминация в опоре на характерный функциональный признак предмета	Маленькие колокольчики на сбруе лошади. После посещения цирка: – Бабушка, я сегодня видела лошадь с *колозвончиками* (5.0)	*Колокольчики звенят.* Считан мотиватор *звенеть*: ребенок ассоциирует слово с *колокольчик* (вне ситуативного контекста).	Синтагматическая стратегия актуализации значения слова (через описание производимого предметом действия).
Кусарики – сухари. Уточняющая реноминация (сближение *сухарики* с *кусать*).	Сухарики (для супа). – Сегодня в детском саду мы суп ели с *кусариками* (5.2.). Слово-модификат указывает на актуальный для	*Микробики, которые кусают…* (бормочет: *комарики… сухарики…*). Толкование в опоре на ситуативную «привязку» мотивирующего глагола *кусать* (об укусе насе-	Связь с прототипом *сухарики* всплывает только в завершающем звене ассоциативной цепочки. Вместе с тем сам подбор ассоциатов в рифму имеет

	ребенка признак: «то, что грызут, кусают»	комых): ребенок часто бывает на даче, где его кусают комары.	потенциально игровой характер
Лизнулька – сосулька (реноминация по актуальному для ребенка признаку предмета – *дети часто лижут сосульки*)	В садике пробовали лизать сосульки. Гуляя с мамой, увидел сосульку, свисающую с подоконника: – *Смотри, мама, какая длинная лизнулька* (5.0.)	*Кошка, которая лижет (себя)* Прототип «сосулька» не считан, мотиватор определен, но отнесен ребенком к другой (типовой) ситуации (кошка вылизывает свою шерсть)	Симпрактический контекст (выводимый в опоре на мотивационный перифраз) включает описание наблюдаемого действия.
Малянка – от *малина* по сближению с *полянка* (ситуативная уточняющая реноминация)	Малина, собранная на полянке. – Мы сегодня целое ведро *малянки* насобирали. – Где же вы ее насобирали? – В лесу на *полянке* (4.0.). ***Смеется*** (осознав рифму).	Маленький человек; малина у бабушки в деревне; я – когда родился(!) Только одно из приведенных толкований приближается к семантике стимульного слова (*малянка* идентифицируется с *малина*), получая новую ситуативную привязку (*у бабушки в деревне*).	Два других толкования даны на основе созвучия *малянка* с *маленький*. Эта ассоциация развивается Даней в метонимическом ключе (*«малявка», «ребенок»* – применительно к самому себе). Во всех случаях реализована симпрактическая стратегия.
Мычок – из бычок по сближению с *мычать*. Уточняющая реноминация по признаку голоса (ср. этимологи-	Бычок. После поездки в деревню: – Мама, смотри, *мычок*! – Не мычок, а бычок!	*Детёныш бычка* Актуализировано значение, синонимичное слову *телёнок*. То, что бычок же может быть и взрос-	В трансформе *мычок* опознан прототип (*бычок*), но суффикс *-ок* воспринят в значении умень-

ческое родство звукоподражательных *бучати* и *мычать*)	– А вот и нет! *Мычит* – значит *мычок*! (3.2)	лым, ребенком «игнорируется».	шительности / «невзрослости» (ср. синонимию с *-онок*).
Рукотенце – от *полотенце* по сближению с мотиватором *руки*	Полотенце, которым вытирают руки. – *Мамочка, купи мне новое рукотенце: у меня ручки уже большие стали* (4.0)	*Мальчик, который зимой и летом носит рукавички.* Считан мотиватор *рука*, но не считан (или «проигнорирован») прототип *полотенце.*	Ассоциативная связь *рука* с однокоренным *рукавички* лежит в основе толкования по метонимическому принципу («тот, кто носит рукавички»). Проявлен и парадоксальный игровой вектор – *носит рукавички зимой и* ***летом***.
Тоншер – торшер. Реноминация по сближению с *тонкий*	Торшер (светильник на тонкой ножке). Даша ложится в кроватку: – Мамочка, включи *тоншер* (5.0)	Так можно еще одного *смешарика* назвать (персонаж мультфильма). Ассоциация слова с известными ребенку именами мультипликационных персонажей.	Ономастическая актуализация значения. Условно-игровая номинация. Прототип не считан, зато актуализирован мотиватор «тонкий» как потенциальная характеристика носителя имени.
Шартур – от торшер по сближению с *шататься* (ситуативная уточняющая реноминация)	Торшер, который шатается. – А к *шартуру* плохо ножки привинти-	*Земной шар (по-английски).* «Разложение» слова на части, омонимичные *шар* (в значении	Применение уже найденного ребенком игрового алгоритма семантизации – через

	ли, вот он и *шатается* (5.0)	«планета Земля») и, возможно, *тур* – «путешествие» (Даня не раз уже ездил с родителями в заграничные туры).	условное отождествление незнакомого слова с якобы иностранным (ср. *быкарус* – бык по-английски).

Представленные данные вполне соответствуют тенденциям «прочтения» слова через мотиватор, который вписывается ребенком в актуальный для него симпрактический контекст. Расхождения в трактовке разными детьми одного и того же слова-модификата проявляют не только его потенциальные смыслы, но и индивидуальные векторы лингвокреативности конкретного ребенка (включая языковую игру).

Рассмотрим полученные от Дани К. толкования детских инноваций, не являющихся модификатами готовых слов (см. *Таблицу 2*).

Таблица 2. **Толкования собственно словотворческих детских инноваций (второй этап экспериментальной серии)**

Слово, извлеченное из спонтанной детской речи, и его значение	Исходный контекст новообразования	Толкования, полученные от респондента (Дани К.)	Стратегии толкования
Альдыпып – детское протослово (фоносемантика моделирует денотат) «птичка»	Спрашивает: – *Мама, а что такое альдыпып?* – Не знаю. – *Ну, мама! Это же птичка такая!* (3.9)	Даня дает несколько версий. 1. *Это Щелкунчик* (у мальчика есть механическая игрушка, довольно большая, он ее не любит и держит повыше в шкафу – видимо, в	Толкования явно стимулированы индивидуальной фоносемантикой слова: 1) ассоциациями с действиями, подобными звуку раздавленного ореха (Щелкунчик); 2) восприятием слова как «звукоизображения» ходьбы, шагов, ср. ассоциат *сле-*

		целях безопасности). 2. *Это кто ходит везде, у него одежда искателя, он изучает всяких букашек и следы!* 3. *Кто громко говорит*	*ды* и созвучный комплекс *-льд-* в фонетической структуре слова; 3) ассоциацией с голосом человека (по высшей точке шкалы «тихий – громкий»)
Бодатик – козлик (буквально: тот, кто имеет рога и бодается)	Показывая на маленького козлика: – *Смотри, какие рожки у этого бодатика!* (3.5)	*Носорог бодает рогом!* (цитирует С.Я. Маршака)	Стратегия толкования через ассоциацию с прецедентным текстом (строчкой из известного стихотворения)
Буквубики – кубики с буквами	– *Это мои буквубики, я одна с ними играть буду* (5.2)	*Я учу буквы*	Введение слова в симпрактический контекст (толкование указывает не на предмет, а на действие, связанное с ним в опыте ребенка)
Ванничать – мыться (купаться) в ванне	– *Я сегодня пойду ванничать* (3.3)	Купаться в ванной	Толкование соответствует считанной мотивации глагола
Ветрюган – очень сильный ветер	– *Вчера на улице такой ветрюган был!* (10)	*Смерч, очень сильный ветер!*	Стратегия конкретизации (сильный ветер во время *смерча*, *урагана*)
Гамбурек – гибридное образование от *гамбургер* и *чебурек*	Миша читает по слогам надписи на ценниках в киоске: «Че-бурек», «Гам-бургер». Через неко-	(Слово очень понравилось). Это мальчик, который любит гамбургеры.	Метонимическая стратегия номинации (перенесение названия продукта на человека – по

	торое время спрашивает: – *А что такое гамбурек?* (6.0)	Может быть, я (лукаво улыбается)	«любви» к этому продукту). Характерный для ребенка эгоцентризм и игровая интенция проявлены в реплике, содержащей своеобразную «уловку» (акцент на том, что он, Даня, тоже любит гамбургеры)
Денежник – кошелек	Собирается с папой в магазин, напоминает: – *Папа, ты взял свой денежник?* (5.5)	*Человек, который деньги ворует*	Ассоциативная связь *деньги – воровать – вор* востребована (актуализирована) как потенциальная идиоматика словообразовательной модели в денотативном диапазоне предмет – лицо»
Домоговорун – домофон	– *Мама, там домоговорун пищит* (5.3)	*Это я! Сижу дома и всегда болтаю!*	Из симпрактического контекста выводится значение «тот, кто много говорит: любит болтать, находясь дома»). Словообразовательная идиоматика проявляет значение «лицо, склонное к определённому действию
Домушница – домохозяйка	– *У меня папа летчик, а мама –*	*Мама: она любит*	Значение «домохозяйка» вписы-

	домушница (3.10)	*жить дома.* Парадоксальный смысл слова *домушница* (ср. *вор-домушник*) ребенком не осознается	вается в симпрактический контекст (толкуется применительно к образу мамы, любящей проводить время дома, в кругу семьи)
Дрыня – мотоцикл	Наблюдая, как мужчина во дворе шумно заводит мотоцикл: – *Мама, купи мне вон тот дрыню* (2.6). Инновация имитирует звук заводящегося мотоцикла: «*др-р-р*»	*Кто-то дрожит от холода*	Слово толкуется в опоре на симпрактический контекст – через семантику узуального звукоподражательного глагола *дрожать* – о состоянии человека, которому холодно. Предложенный вариант реализует потенциальный смысл фоносеманта *дрыня*
Жгучка – крапива (номинация по свойству крапивы *жечься,* оставлять ожог на коже), ср. однострукутурное *колючка*	Рассказывает другу: – *У нас в саду жгучки навалом* (5.0)	*Кетчуп, который любит папа*	Мотиватор *жечь*, *обжигать* применяется ребенком не к названию растения, а к названию острой приправы (с ситуативной добавкой «которую любит папа»)
Зачемка – тот, кто говорит «зачем»	– Мама, *кто говорит «почему» – почемучка?* – Да. – *А кто говорит «зачем» – зачемка?* (4.5)	*Тот, кто все время говорит «зачем?, зачем?»*	Стратегия толкования через мотивационный перифраз, который «отзеркаливает» процесс

	Инновация реализует принцип словообразовательной симметрии (ср. представленный в метакомментарии «словообразовательный квадрат»)		образования (порождения) слова
Землячонок – маленькая, еще не вызревшая ягода земляники (буквально «детёныш» земляники)	– *Бабушка, у земляники маленький землячонок вырос* (4.7) Расширительное использование суффикса *–онок* (не только по отношению к одушевленным, но и по отношению к неодушевленным «реалиям»)	*Это я, землю когда копаю*	В толковании инновации через мотиватор *земля* суффикс *-онок* реализует свое основное значение «невзрослости». При этом слово погружается ребенком в симпрактический контекст, наполняясь ситуативной идиоматикой (*я копаю землю*)
Зеркалинка – осколок зеркала (слово со значением «частичка целого»)	Полина случайно разбила зеркало, удивленно смотрит на осколки: – *Мама, смотри, какие у меня зеркалинки получились* (4.3)	*Мама, смотрится в зеркало*	В толковании ребенка *зеркалинка* – то же, что *зеркало.* Уменьшительно-ласкательный суффикс – проявление отношения к маме. Слово осмысляется через симпрактический контекст
Лазилка – турник	Обращаясь к другу: – *Пойдем после уроков на спортлощадку, на лазилках повисим* (10.0)	*Лесенка* (у меня в комнате, на спорткомплексе)	Толкование через мотиватор *лазить* отсылает к денотату, известному ребенку из собственного

			практического опыта
Клювиха – птица с длинным клювом (аист)	Впервые увидел аиста: – *Смотри, какая клювиха к нам на крышу прилетела* (5.0)	*Птичка, которая что-нибудь клюёт*	Мотивация (вне ситуативного контекста) актуализирует ассоциацию *клюв – клевать – птица*. Толкование через описание типового действия, совершаемого птичкой.
Нехотник – тот, у кого нет желания (охоты) делать что-либо	Просит старшего брата поиграть с ним. Тот отмахивается. – *Неохота* играть. Саша: – *Ах, какой ты нехотник* (5.0)	*Мальчик, который не хочет делать, что ему говорят*	Практически пол-ное совпадение с исходным значением свидетельствует о мотивационной прозра-чности детской инновации
Наподушник – наволочка	– *У меня наподушник весь в зайках* (5. 5)	*Человек, который спит на огромной подушке. Наподушник* в приведенном толковании – не то, ***что*** надевается на подушку, а тот, ***кто*** спит на ней	Референтный потенциал словообразовательной модели варьирует в широком диапазоне «предмет – лицо» (для ребенка с его «антропоморфным мышлением» более актуально «личное» значение суффикса)
Поцелуйка – след от губной помады, оставшийся после поцелуя	– *Мама, у меня поцелуйка от тебя на щечке* (6.0)	*Мальчик, который встретил девочку.* Восприятие номи-	Симпрактическая стратегия толкования: привязка к ситуации поцелуя при встрече как проявления

		нации с предметной семантикой как номинации лица по действию	отношения мальчика к девочке (подобного отношениям взрослых)
Челопятки – маленькие, слепленные из пластилина человечки. Контаминация *человек* и *пятки,* ср. также возможную ассоциацию с *челобучки* и *ребятки*	– *А сейчас мы слепим челопятков.* – А кто это такие? – *Это человечки, как мальчик-с-пальчик* (4.6)	Человек, который *трогает пятки.* Инновация наполняется иной идиоматикой (по сравнению с исходным смыслом в речи ее автора)	Игнорирование формы мн.ч. и ассоциация с *пятки.* Толкование имеет явно условный характер (ребенком устанавливается случайная ситуативная связь мотивирующих единиц)

Полученные толкования свидетельствуют о важной роли симпрактического опыта в наполнении детского слова собственной идиоматикой. Вместе с тем сама словообразовательная структура и семантика производящей основы задают некую потенциальную зону вариативных толкований, в том числе и условно-игровых. Очевиден тот факт, что процессы выведения значений словотворческих инноваций коррелируют с механизмом их образования, что позволяет с учетом такой взаимообратимости экспериментально верифицировать способность ребенка к продуцированию слова по заданному мотивационному перифразу. Результаты такого эксперимента, проведенного с одним респондентом (Даней К.), представлены в *Таблице 3.*

Заметим, что при выполнении предложенного задания мальчик использовал не только словообразовательную технику, но и технику метафорической номинации, в чем проявилась индивидуальная составляющая лингвокреативности данного ребенка.

***Таблица* 3. Слова, образованные на основе мотивационных перифразов (третий этап экспериментальной серии)**

Инновация, извлеченная из спонтанной детской речи	Реконструированный мотивационный перифраз[4]	Номинация, созданная респондентом (Даней К.) по заданному перифразу	Стратегия номинации
Белк (обратное словообразование от *белка*, дефлексация)	Муж (самец) белки	*Белок* Ср. *голубок - голубка* как аналог «парных» названий особей птиц и животных	Стратегия словообразовательной (структурной) сверхгенерализации. Ребенком использован способ замены «женского» суффикса *-к* (*белка*) на «мужской» суффикс *-ок* (*белок*)
Быстрослов (сложение с нулевой суффиксацией)	Тот, кто быстро говорит (быстро произносит слова)	*Быстрёшка*	Семантическое включение (производное общего рода от мотиватора *быстрый* при помощи суффикса *-ёшк/а*)
Глухарь (омонимическое словообразование: от *глухой* + *-арь*).	Тот, кто плохо слышит. Услышав, что дедушка глуховат, спрашивает: – *Наш дедушка глухарь?* (5.0)	*Неслышка*	Конфиксальное образование общего рода от мотивирующего глагола (*слышать* + не-…-ш/к), ср. *неваляшка*
Денежник (от *денежный* + *-ик*)	Кошелек, в котором много денег	*Кошелек-кашалот* (повторяет не-	Синонимическая стратегия номинации (*денежник*

[4] Перифраз предъявлялся в форме констатирующего описания или вопроса (например, «Девочка жадина, а мальчик___?»).

		сколько раз). В номинации актуализирован признак *толстый*, *набитый деньгами* кошелек	– *кошелек*) подкреплена игрой созвучных слов (*кошелек – кашалот*) и метафорической аналогией (ср. *кошелек* как *кашалот* – кит больших размеров)
Жадин (обратное словообразование, дефлексация)	Девочка *жадина*, а мальчик …. (?)	*«Трус!»*... Потом подумал и сказал ***«жад»***	Обратное словообразование с отсечением суффикса и окончания (более сокращенный вариант по сравнению с *жадин*)
Заколючить (суффиксальное производное от словосочетания)	Уколоть колючкой	*Заколючить* (ср. наложение смыслов однокоренных *колоть* и *колючка*)	Продуктивная стратегия универбации словосочетания (совпадение со стимульной инновацией)
Многокнижный (магазин)	Магазин, в котором много книг	*Книжная каша!* (шутит)	Метафорическая номинация (словосочетание со значением «смешение самых разных книг»)
Снегодом (словосложение)	Крепость из снега (снежный дом)	*Крепышон* (мотиватором выступает слово *крепость*, при игнорировании второго члена производящего словосочетания)	Экспрессема от *крепость* по ассоциации с *крепыш*, ср. также структурную аналогию с *бастион* (при этом игнорируется второй мотиватор (*из снега*)

В качестве обобщающих выводов отметим следующее:

1. Проведенная экспериментальная серия по толкованию и «воссозданию» окказионализмов детской речи показывает, что основной стратегией актуализации значения незнакомого слова выступает «дешифровка» его внутренней формы; языковой инстинкт ребенка проявляется в установлении значения по принципу ассоциативной выводимости, в опоре на обнаруженный созвучный мотиватор (родственный или неродственный). Природа таких толкований вполне соответствует «правилу» потенциальной смысловой связи однокоренных слов. В детской речи эта связь принимает характер ложной этимологизации – при сближении неродственных слов по случайному звуковому сходству, ср. также произвольные толкования при случайно угаданном генетическом родстве слов, не состоящих в отношениях синхронной мотивации. При этом спонтанные детские инновации рассматриваются нами как потенциально игровые и диагностичные для выявления лингвокреативных способностей ребенка в области интерпретации чужой и создания собственной инновации.

2. Механизмы мотивации показывают, как возникает идиоматический компонент значения у слов соответствующей структуры:

а) трактовка слова в опоре на симпрактический контекст, свидетельствующая о важности для ребенка такого фактора, как «постижение мира в действии» (М. Хайдеггер);

б) метафорическая актуализация значения слова через найденный мотиватор (чаще непреднамеренная); способность «мыслить образной аналогией» (К.Штумпф) задает альтернативу толкования и/или использвания готовой номинации в новой характеристической функции (ср., например, *кошелек – кашалот*);

в) метонимический сдвиг в толковании (называние по принципу *часть – целое*);

г) выявление потенциальной (системно заданной) референции слова с широким вариативным значением словообразовательного форманта (предмет – лицо).

3. Индивидуальные черты лингвокреативной деятельности ребенка проявляются:

а) в выборе словообразовательных аналогий и актуальных

векторов ассоциирования;

б) в ассоциативных предпочтениях, связанных с ведущими модальностями восприятия;

в) в склонности к обыгрыванию слова в русле доступных ребенку смыслов (приемов); например, в данном случае можно говорить об игровой направленности в отождествлении Даней незнакомого, необычного по структуре слова с иностранным (*быкарус* – бык по-английски и т.п.); подборе рифмующихся со стимулом ассоциатов, в том числе прототипов слов-модификатов (*кусарики – комарики*, *сухарики*); чувствительности к фоносемантике слова (*Шура – шур-шур-шур*);

г) в индивидуализации содержания слова (в проекции на собственный опыт); применение толкования к себе (*Домоговорун – это я, все время сижу дома и болтаю*).

4. Экспериментальная ситуация провоцирует и стимулирует ребенка к поиску условных вариантов толкования и продуцирования слова по мотивационному описанию, в то же время проявляя его языковую интуицию и компетенцию в выборе способов решения нестандартной задачи.

5. Соотношение «универсального, дифференциального и уникального» векторов языкового развития конкретного ребенка (см. об этом в [Доброва 2011]), в том числе использование приоритетных для него форм языковой игры, в известной степени дает прогноз относительно тенденций формирования лингвокреативных черт конкретной личности [Гридина 2013]. В этом смысле можно отметить у Дани К. склонность к метафорической номинации, к актуализации личностной оценочно-прагматической зоны языковых значений, ассоциативным сближениям рифмующихся слов, словотворчеству по продуктивным моделям как определенную стадию развития осознанной игровой интенции.

ЛИТЕРАТУРА

Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М. : Едиториал УРСС, 2003.

Гридина Т.А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. – М.: Наука; Флинта, 2013.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1 / под

общей ред. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. – С. 5-58.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3 / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. – С. 14-74.

Доброва Г.Р. Детская речь: универсальное – общее – дифференциальное – уникальное// Онтолингвистика – наука XXI века: Материалы международной конференции, посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена (4-6 мая 2011г., Санкт-Петербург). – СПб., 2011. – С. 36-41.

©Гридина Т.А., 2015

Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова
(Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия)

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ ДЕТЕЙ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

Аннотация: В статье представлена серии диагностик, направленных на выявление сформированности грамматико-словообразовательных умений у детей с ОНР III-го уровня. Постулируется идея о необходимости учета латерального профиля (доминирования левого или правого полушария головного мозга и ведущих модальностей восприятия) конкретного ребенка как на стадии диагностики, так и на стадии коррекции соответствующих умений. Такие диагностические «замеры» имеют одновременно тренинговый характер, предполагая направленное стимулирование ребенка к освоению определенного словоизменительного или словообразовательного алгоритма в процессе выполнения игрового задания (с применением стратегии гештального мышления или логического анализа). Направленный отбор способов предъявления информации в условиях обучения детей с разной организацией мыслительных процессов создает максимально комфортные условия для их лингвокогнитивного развития и постепенного перехода от «грамматической конвергентности» к дивергентным интеллектуальным операциям с